

Языковые и культурные контакты чехов Румынии*

Сергей Александрович Борисов, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: borisovsergius@gmail.com

Ключевые слова: языковые контакты, социалингвистика, полевые исследования, переключение кодов

Language and cultural contacts of Czechs in Romania

Sergej A. Borisov, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: borisovsergius@gmail.com

Keywords: language contacts, sociolinguistics, field research, code switching

В настоящее время в Румынии проживает около 2500 этнических чехов¹. Речь идет прежде всего о населенных пунктах исторического расселения чехов, которые прибыли в Банат в рамках политики реколонизации отвоеванных в XVIII в. Австрийской монархией у Османской империи земель: Бигэр (Bigăr), Гырник (Gârnic), Равенска (Ravensca), Сфынта-Елена (Sfânta Elena), Шумица (Șumița) (жудец Караш-Северин); Эйбенталь (Eibenthal) (жудец Мехединци). Данные села, расположенные в гористой местности, оставались труднодоступными вплоть до революции 1989 г., что обеспечивало достаточно сильную изолированность чешского сообщества². Чешский язык сохранялся как основное

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

средство общения и не подвергался сильному влиянию других языков, функционировавших в данном регионе: румынского, венгерского, сербского. Однако чешские села все же не были полностью изолированы, чехи активно контактировали с соседями. Отдельного внимания заслуживает населенный пункт Златица (Zlatița), который расположен вблизи пограничной реки Нера, разделяющей современные Румынию и Сербию. На протяжении XX в. большинство населения в этом селе составляли сербы, второе место по численности занимали румыны, третье — чехи (от 100 до 150 человек)³. В настоящее время живущие в Златице чехи контактируют с румынским большинством, а также с сербами и цыганами.

В ходе экспедиции в Румынию, совершенной автором в сентябре 2019 г.⁴, были записаны нарративы, в которых отражено восприятие культур, обычаев и языков иноэтнических соседей чехов. Особый интерес представляют этнонимы. Так, румыны называют местных чехов «пемы» (*Pemi*, *Pem/Pemix***, *Pemka/Pemoaica*) — от нем. *Böhme* «житель Богемии»⁵. Чехи называют румын «валахи» (*Valaši*)⁶.

Записанные нарративы иллюстрируют языковую ситуацию с точки зрения многоязычия, которое является обыденным явлением для местных чешских сообществ.

(1) Sloužila sem furt. Važila sem, prala sem, u n'akoho doktora sem bila aš votaj vodešel, von bil e-e-e-e ten e maď'ar. A vona bila **n'emcojka** (рум. *nețoica*). A pak sem sloužila u n'aki s-srpkí. A-a e-e vona mn'ela tetu maď'arku, a ja sem k n'i xod'ila, a vona na mn'e mluvila -nom maď'arski. A tak sem se naučila maď'arski teda, -al už sem to zapomn'ela, **közöm szepen, kezzem csókolom** (венг. *koszönöm szépen, kezét csókolom*). A tam bili blisko cikán'i, ja sem se naučila

** Вместо диграфа *ch* в транскрипции используется *x*. Мягкость согласных обозначается апострофом (').

cikánski. *Bengo nakhe(l), kaže, hata (xata) phure**** (Сфынта-Елена, 2019).

[Я все время прислуживала. Я варила, стирала, была у одного доктора, пока он не уехал, он был этот, венгр. А она была немка. А потом я прислуживала у одной сербки. А у нее была тетя венгерка, я к ней ходила, а она со мной разговаривала только на венгерском. Ну и так я выучила венгерский, но я уже все это забыла, *большое спасибо, целую ручки*. И были там близко цыгане, так что я выучила цыганский. *Идет дьявол, говорит, вон старый*] (перевод приблизительный из-за нечеткого произношения).

- (2) A srpski, u jedni srпки sem sloužila teda, vona povida na mne: «Anka, *idi donesi mi bili lukac*». Ja šla do špajzu: gde je *bili lukac*? Pak sem šla: «*Pa, do(a)mna, acolo nu e niciunde*». A vona: «*Pa este Anka, du-te să-l caut (cauți)!*» — «*Do(a)ma, l-am căuta(t) peste tot, dar nu e*». Von to bil česnek. Po srpski *bile luka(c)* (Сфынта-Елена, 2019).

[А сербский — у одной сербки я, значит, служила, она мне говорит: «Анка, иди, принеси мне *<bili lukac>*». Я пошла в кладовку: где *<bili lukac>*? Потом прихожу: «Госпожа, там нигде нет». А она: «Да есть же, Анка, иди его ищи!» — «Госпожа, я его искала везде, но его нет». А это был чеснок. На сербском «*bile lukac*»].

В (1) информантка рассказывает о том, что она «выучила» венгерский и цыганский, когда работала служанкой у сербки. Разумеется, речь идет о понимании отдельных слов и базовых фраз, а не о полноценном владении языком. В (2) она пересказывает анекдотическую ситуацию, связанную с недопониманием: по просьбе хозяйки она идет искать *bile lukac* (серб. диал. «чеснок»), думая, что это «белый лук».

*** Автор благодарит за транскрипцию д-ра. Билянэ Сикимич, Институт Балканистики САНИ (Белград).

При этом она активно использует переключение языкового кода: поручение звучит на сербском языке, дальнейшие объяснения с хозяйкой — на румынском, а комментарии для исследователей она дает на чешском.

Контакты чехов с румынами прослеживаются также в сфере народных традиций и межконфессионального взаимодействия. Следующие отрывки из интервью иллюстрируют, как информанты интерпретируют несоответствия обрядов и поверий, связанных с периодом, предшествующим похоронам покойника.

(3) On'i valaši mají strach. On'i říkají *muroni, vine muroniul*, ne. Panebože. Taki sme d'alali kontrakti na tuto staven'i, a taki sem šla do Oravic. <...> Mušela sem mit inženýra, a on sem přišel. A mi sme mu do-do pokoje, že tadi bude spat. A vo- *řikal: «Ja ne bu spa sa, ja bu spa s vama u sekmici»*. A říkam: «Proč vi ste *spa* s nama f sekmici?» ne. A von říkal: «Ja sem spal u n'ejakejx teda rumunu <...>, a von v noci pšišel *muroi*, na mn'e. (смех). Bouxal a bouxal». A ja povídam: «Malej, murone nexod'i. ale živeho se boj, ale mrtvo(ho) n'igda, ten nepšijdej» (Сфынта-Елена, 2019).

[Они, румыны, боятся. Они говорят: «Мурой, придет мурой!» Господи Боже. Мы делали бумаги на этот дом и я поехала в Оравицу. Мне нужен был инженер, и он сюда приехал. А мы ему постелили в комнате, мол, здесь будет спать. А он говорит: «Я не буду спать один, я буду спать с вами в спальне». А я говорю: «Почему Вы будете спать с нами в спальне?». А он говорит: «Я спал у одних румын, а он пришел ночью за мной, мурой. Гремел и гремел. А я говорю: «Парень, мурой не ходят, бойся живого, мертвого никогда, он не придет»].

(4) A bila sem v nemocnici a von'i tam bili, t'i rumun'i. A u nas se mrtvi nehľda, jako u rumunuw, tam sed'ej a hľdaju, bar to, dit' von nepude n'ikam. A on'i žikali: «Proč vi nehľdáte?» Ja žikám: «Náš nestane. Mi mu svažem nohi a ruce a nedame

mu tševice na nohi, nexame mu punčoxi, a vono ho to pixa, vickrat domu nepřijde». Valački mn'eli takle voči, ja tomu nasmáta potom (смех) -tit' to nen'i pravda (смех). No nedavame tševice do.. mrtvemu. Punčoxi teda-a, tak. A an'i ho nesvážem (смех). A ja: «Pa svažem ho, mu nohi a ruce». A valaš'ki: «Aolele! Veš(c)ino! Aša-i! Aša-i!» (Сфынта-Елена, 2019).

[Была я в больнице, и были там румыны. А у нас за мертвым не следят как у румын: там сидят и следят, как минимум, а ведь он не пойдет никуда. А они говорили: «Почему вы не следите?» Я говорю: «Наш не встанет. Мы ему связываем ноги и руки и не надеваем туфли на ноги, оставляем ему только чулки, его колет, и он домой больше не придет». У румын были вот такие глаза, я так смеялась. Ведь это не правда. Ну, мы не надеваем туфли на мертвого. Чулки, да. Но мы его и не связываем. А я говорю: «Мы его связываем, ноги, руки ему!» А румыны: «Ой, да, соседка, так и есть, так и есть!»].

В (3) информантка рассказывает о том, что румыны верят в ходячих мертвецов, вампиров (рум. *mironi*). У местных чехов данное поверье отсутствует, поэтому ее рассказ сопровождается смехом. В (4) она иронизирует над тем, что румыны боятся в связи с этим оставлять покойника на ночь одного. Упоминается также традиция прокалывать и связывать ему ноги, чтобы он не смог встать⁷.

Таким образом, в чешских селах в Румынии наблюдается ситуация многоязычия, чаще всего не ограниченная взаимодействием одного миноритарного языка (чешского) с государственным (румынским): чехи также активно контактируют с другими меньшинствами — сербами (особенно в селе Златица), цыганами, венграми. В контакте находятся также элементы религиозной жизни и народные обычаи этих этносов: чехи в этом регионе — католики и протестанты (евангелисты и баптисты), румыны, в основном, православные.

Примечания

¹ Recensământul populației și al locuințelor 2011. Rezultate. Vol. II: Populația stabilă (Rezidentă) — Structura etnică și confesională // Institutul Național de Statistică [Online]. URL: <http://www.recensamantromania.ro/noutati/volumul-ii-populatia-stabila-rezidenta-structura-etnica-si-confesionala/> (дата обращения: 16.03.2020).

² *Gecse D.* Historie českých komunit v Rumunsku. Praha, 2013. S. 33–42.

³ *Varga E.Á.* Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002. URL: <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf> (дата обращения: 16.03.2020). Old. 97.

⁴ *Борисов С.А.* Чешский язык и традиционная культура в полиэтничном окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2020. № 3–4 [в печати].

⁵ См. об этом у хорватских чехов: *Rajković M.* Višestruki identitet Čeha u Jazveniku, Etnološka tribina // Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva. N 34/35. Zagreb, 2005. S. 237.

⁶ Valáh // Dicționarul explicative al limbii române (ediția a II-a revăzută și adăugită). Academia Română, Institutul de Lingvistică. București: Univers Enciclopedic Gold, 2009 [Online]. URL: <https://dexonline.ro/definitie/VAL%C3%81H> (дата обращения: 09.03.2020).

⁷ Ср. *Толстая С.М.* Покойник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 тт./ под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 114–115; *Левкиевская Е.Е.* Покойник «Заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 тт./ под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 123–124.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.03

Стратегии вежливости в испанском и русском языках на примере интернет-рекламы косметики

Ана Дворачек, Люблянский университет, Любляна,
Словения; e-mail: anadvoracek94@gmail.com

Ключевые слова: стратегии вежливости, русский язык, испанский язык, прагмалингвистика, интернет-реклама, косметические транснациональные компании